

DOI: 10.25178/nit.2026.1.18

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Статья

Женское движение в Казахстане и Туве в 1920–1930-е годы**Гульзада М. Тленшина, Жадра М. Мухамеджанова***Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, Республика Казахстан*

В статье анализируется деятельность женотделов в Казахстане и Туве в 1920–1930-е гг. Они рассматриваются как исполнители гендерной политики, проводившейся в рамках социалистического переустройства общества. На основе анализа архивных и опубликованных источников авторы изучили основные направления, содержание, особенности и противоречия в решении «женского вопроса» в данных республиках.

Выявлено общее и особенное в гендерной политике двух республик в 1920–1930-х гг. Основные цели, формы и методы работы женотделов Казахстана и Тувы были практически идентичными, так как были разработаны для республик Востока и рекомендованы Коминтерном и РКП(б). Различия имелись в содержании деятельности женотделов и были обусловлены разными юридическими статусами, а также историческими особенностями двух республик. Так, женотделы в Казахстане действовали в 1920-х гг., период НЭПа и вовлекали женщин в кустарные артели. Женотделы Тувы, действовавшие в 1930-х гг., когда в ТНР был взят курс на коллективизацию, участвовали в создании колхозов и госхозов.

Авторы статьи признали противоречивость и непоследовательность гендерной политики в двух республиках в 1920–1930-е гг. Вместе с тем они показали историческое значение первых органов женской активности в создании предпосылок для продвижения гендерного паритета в Казахстане и Туве.

Ключевые слова: Казахстан; Тува; Тувинская Народная Республика; Октябрьская революция; народно-освободительное движение; женский вопрос; женотдел; социализм; гендерная политика

Для цитирования:

Тленшина Г. М., Мухамеджанова Ж. М. Женское движение в Казахстане и Туве в 1920–1930-е годы // Новые исследования Тувы. 2026. № 1. С. 322–344. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.18>

Тленшина Гульзада Мукашевна — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, сеньор-лектор кафедры истории, географии и социально-гуманитарных дисциплин Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Адрес: 020000, Казахстан, г. Кокшетау, ул. Абая, д. 76. Эл. адрес: tlenshinagulzada@gmail.com

Мухамеджанова Жадра Молдагалиевна — сеньор-лектор кафедры истории, географии и социально-гуманитарных дисциплин Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Адрес: 020000, Казахстан, г. Кокшетау, ул. Абая, д. 76. Эл. адрес: zmukhamedzhanova@shokan.edu.kz

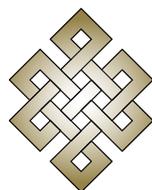

TLENSHINA, Gulzada Mukachevna, Candidate of Historical Sciences, Associated Professor, Senior Lecturer, Department of History, Geography and Social-Humanitarian Disciplines, Ualikhanov University. Postal address: 76 Abay Str., Kokshetau, Kazakhstan, 020000. Email: tlenshinagulzada@gmail.com

ORCID: 0009-0001-3068-8454

MUKHAMEDZHANOVA, Zhadra, Moldagalievna, Senior Lecturer, Department of History, Geography and Social-Humanitarian Disciplines, Ualikhanov University. Postal address: 76 Abay Str., Kokshetau, Kazakhstan, 020000. Email: zmukhamedzhanova@shokan.edu.kz

ORCID: 0009 0007 7660 7916

DIALOGUE OF CULTURES

Article

Women's Movement in Kazakhstan and Tuva in the 1920s–1930s**Gulzada M. Tlenshina, Zhadra M. Mukhamedzhanova***Sh. Ualikhanov Kokshetau University, Republic of Kazakhstan*

The article analyzes the activities of women's departments in Kazakhstan and Tuva in the 1920s–1930s. They are viewed as agents of gender policy that began operating within the framework of the socialist transformation of society. On the basis of archival and published sources, the authors examine the main directions, content, specific features, and contradictions in addressing the "woman question" in these republics.

Common and distinctive features of the gender policy of the two republics in the 1920s–1930s are identified. The main goals, forms, and methods of work of the women's departments in Kazakhstan and Tuva were practically identical, since they were developed for the republics of the East and recommended by the Comintern and the RCP(b). Differences lay in the content of the activities of the women's departments and were determined by the different legal statuses as well as the historical specificities of the two republics. Thus, women's departments in Kazakhstan operated in the 1920s, during the NEP period, and involved women in small-scale artisanal cooperatives. Women's departments in Tuva, which operated in the 1930s, when the Tuvan People's Republic adopted a course toward collectivization, participated in the creation of collective farms and state farms.

The authors acknowledge the contradictory and inconsistent nature of gender policy in the two republics in the 1920s–1930s. At the same time, they demonstrate the historical significance of the first bodies of women's activism in creating the pre-conditions for promoting gender parity in Kazakhstan and Tuva.

Keywords: *Kazakhstan; Tuva; Tuvan People's Republic; October Revolution; national liberation movement; woman question; women's departments; socialism; gender policy*

For citation:

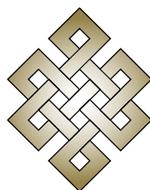
Tlenshina G. M. and Mukhamedzhanova Zh. M. Women's Movement in Kazakhstan and Tuva in the 1920s–1930s. *New Research of Tuva*, 2026, no. 1, pp. 322–344 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.18>

Введение

В истории двух народов — казахов и тувинцев, как и для многих других народов Евразии — Октябрьская революция 1917 г. имела судьбоносное значение. И Казахстан, и Тува оказались в поле влияния Советской России, но в разных юридических статусах. Казахстан был составной частью советской страны, Тува — с 1921 по 1944 гг. имела свою государственность, называлась Тувинской Народной Республикой (далее — ТНР), тем не менее была под советским влиянием. Казахстан после окончания гражданской войны в 1920-х гг. встал на путь построения социализма. Тувинская Народная Республика (ТНР) также взяла курс на построение социализма и сближение с Советской Россией в 1929 г., после прихода к власти левых сил.

Правящие партии республик рассматривали женщин как трудовой резерв и потенциального союзника в строительстве нового общества. С целью вовлечения женщин в общественное производство, в политическую и государственную деятельность были созданы женотделы, ставшие организаторами и исполнителями гендерной политики.

Изучение опыта решения женского вопроса в двух регионах в 1920–1930-х гг. поможет понять, каким образом происходила трансформация гендерных отношений, критически осмыслить социальные реформы, определить, как коренные народы регионов пытались приспособиться к новым реали-

ям, какие факторы способствовали этому, а какие — наоборот замедляли их интеграцию в модерное общество.

Целью данной статьи является выявление общего и особенного в женском движении Казахстана и Тувы на основе сравнительного анализа основных направлений, итогов и значения деятельности женотделов. Законодательное закрепление равноправия женщин и мужчин, вовлечение женщин в экономику и политику, зарождение женского движения — эти вопросы являются актуальными в свете гендерной политики, проводимой в данных республиках в настоящее время.

Исходя из цели, поставлены задачи исследования:

- дать краткий обзор историографии истории женского движения Казахстана и Тувы периода 1920–1930-х гг.;
- сравнить исторические условия, в которых развернулась деятельность женотделов Казахстана и Тувы;
- выяснить основные подходы в работе с казахскими и тувинскими женщинами;
- определить цели и задачи казахстанских и тувинских женотделов;
- рассмотреть формы и методы их работы;
- показать итоги и значение деятельности женотделов.

Объектом исследования является деятельность женотделов Казахстана в 1920-х и Тувы — в 1930-х гг. Предмет исследования — это общие и особенные черты в борьбе женотделов двух республик за раскрепощение женщин.

Материалы и методы. Для достижения цели и решения этих задач были использованы архивные и опубликованные источники. Ценная информация содержится в фондах Архива Президента Республики Казахстан (далее — АП РК, Алматы, ф. 139 — Киргизский областной комитет РКП(б). Отдел по работе среди женщин), Государственного архива Акмолинской области (далее — ГААО, г. Кокшетау, фонды комитетов РКП(б) Акмолинской губернии: №№ 5, 28, 51, 938, 1353, 1363, 1378). Привлечены также документы государственных и партийных архивов Казахстана 1917–1936 гг.¹, материалы Восточного отдела Объединенного государственного политического управления (ОГПУ)².

Использованы материалы периодических изданий органов власти (журнала «Известия ЦК РКП(б)» и газет). По истории женского движения в Туве были использованы опубликованные документы Коминтерна³, материалы сборников «Конституции Тувы 1921–1993 гг.»⁴, «История и развитие женского движения в Туве»⁵. Источниковедческое значение имеют фундаментальный труд по истории Республики Тыва (История Тувы, 2007), исследования Ю. Л. Аранчына (Аранчын, 1977), О. Д. Натсак (Натсак, 2021, 2024), содержащие богатый фактологический материал.

Анализ источников сделан с помощью проблемно-хронологического, компаративного, системного и позитивистского методов.

Обзор литературы

Опыт решения «женского вопроса», а также история женского движения 1920–1930-х гг. в республиках Центральной Азии всегда были в фокусе научных интересов исследователей. Поскольку исследователи применяли разные подходы к изучению данной тематики, в историографии можно выделить два периода: 1) 1917–1991 гг.; 2) с 1991 г. по настоящее время.

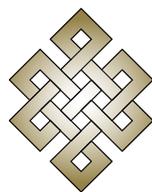
¹ Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.): сборник документов и материалов. М.: Мысль, 1971.

² Ислам и советское государство. Вып. 1: (По материалам Восточного отд. ОГПУ.1926) / сост. Д. Ю. Арапов и Г. Г. Косач. М.: Изд. дом Марджани, 2010.

³ Коммунистический Интернационал в документах: решения, тезисы, воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. М.: Партиздат, 1933.

⁴ Конституции Тувы 1921–1993 гг. (1999): сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР / сост. В. А. Дубровский. Кызыл: Тувинское книжное издательство.

⁵ История и развитие женского движения в Туве / авт.-сост. и ред. И. Очур. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2018.

Исследования женской тематики в советской науке начались в 1940–1950-х гг. «Женский вопрос» трактовали в эти годы как неотъемлемую часть освободительной борьбы рабочего класса. Многочисленные работы по истории «решения женского вопроса» отличались общими недостатками советской исторической науки: заданностью итоговых выводов (о «решенности» женского вопроса), ограниченностью источниковой базы. Так, В. Л. Бильшай утверждала, что «женский вопрос» в советском государстве был решен усилиями коммунистической партии (Бильшай-Пилипенко, 1948). Во втором исследовании В. Л. Бильшай рассматривает историю раскрепощения женщин «советского Востока» (Бильшай, 1956).

Повышение интереса к истории советских женщин произошло в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Расширился круг источников по раннему советскому периоду; были опубликованы многочисленные воспоминания большевичек, автобиографии женщин-тружениц¹. Ежегодно стал выходить статистический сборник «Женщины в СССР»².

В большинстве исторических публикаций 1960–1980-х гг., посвященных теме «раскрепощения» советских женщин утверждалось, что «женский вопрос в СССР решен»³.

В этот же период появляется множество работ о раскрепощении женщин среднеазиатских республик (Пальванова, 1961; Татыбекова, 1963; Шукурова, 1970; Аминова, 1975). В них показаны пути и методы, особенности работы партии среди женщин Востока в 1920–1930-е гг., но нет информации о деятельности женотделов.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. вышли работы общего характера, в которых раскрепощение рассматривалось без привязки к республикам⁴ (Чирков, 1978). В этих исследованиях была неясной роль женотделов; игнорировались проблемы в их деятельности (конфликты активисток с профсоюзами, стремление к автономности). В 1987 г. в связи с 60-летием Худжума — кампании «Освобождения женщины Востока», проведенной в Средней Азии в 1920–1930-х гг. — вышел ряд работ, в которых в том числе были опубликованы биографии сотрудниц женотделов (Аминова, 1987; и др.⁵).

Таким образом, в советской науке господствовала установка о решенности женского вопроса в СССР, а советские историки работали в русле марксистской парадигмы.

Новые подходы к изучению «женской истории» стали утверждаться в России в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в работах исследователей, которые смогли отказаться от прежних идеологических схем и по-новому взглянуть на гендерную историю. Они по-новому рассматривают «решенность» женского вопроса в СССР: в ней видят множество проблем и противоречий — в вопросах, связанных с политической активностью женщин, вопросах демографического планирования и семейного статуса современных россиянок (Воронина, 1990; Мерзлякова, 1993). Существенно обогатили историографию новейшие исследования российских ученых. Большой интерес вызывает статья С. А. Шерстюкова, посвященная истории Худжума (Шерстюков, 2020).

Российский исследователь Д. А. Аманжолова рассмотрела опыт решения «женского вопроса» в национальных регионах СССР, в том числе в Казахстане и Туве. Автор обосновала несостоятельность содержания и приемов освещения данной политики в неокOLONIALной литературе (Аманжолова, 2024).

В ряде исследований дается негативная оценка итогов советской гендерной политики, акцентированы такие недостатки, как декларативный характер (Барышева, 2019), проблема «двойной занятости» советской женщины (Пушкарева, 2012), человеческие жертвы в период в период Худжума (Аброськина, 2012).

¹ Славные большевички. М.: Гос. издательство полит. лит-ры. 1958; Женщины рассказывают. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1959.

² «Женщины в СССР». Статистические материалы. М.: Издательство «Статистика», 1964. и др.

³ Ткаченко В. М. Опыт решения женского вопроса в СССР. Минск: Знание. 1975; Шахмет А. В. Коммунистическая партия — организатор вовлечения женщин в социалистическое строительство. Л.: Лениздат, 1977.

⁴ Опыт КПСС в решении женского вопроса / отв. ред. Н. И. Кондакова. М.: Мысль, 1981.

⁵ Худжум — значит наступление [Опыт работы КП Узбекистана по осуществлению ленинской прогр. раскрепощения женщин / Р. Я. Раджапова, С. А. Дмитриева, Х. А. Бабаходжаева и др.; редкол.: Х. Т. Турсунов и др.]. Ташкент: Узбекистан, 1987.

Д. В. Мелентьев в диссертации утверждает, что «раскрепощение мусульманок Средней Азии в 1920-е гг. не достигло намеченных целей» вследствие сопротивления «коммунистов-мусульман, которые желали сохранить господствовавший гендерный порядок»¹.

История решения «женского вопроса» и женского движения в 1920-е гг. нашла отражение и в казахстанской историографии.

В 1920–1930-е гг. вышли работы популярного и научно-популярного характера. Это была партийно-советская публицистика², предназначенная для массового читателя. Памятки, инструкции, брошюры носили разъяснительный характер³. Основная ценность статей данного периода заключалась в их фактологическом материале⁴.

С конца 1930-х гг., с утверждением командно-административной системы, многие темы были закрыты для научного исследования, в том числе и «женский вопрос». Во второй половине 1950-х — 1960-е гг. наступает наиболее результативный период в историографии данной темы. Влияние оказала общая тенденция развития исторической науки, направленная на преодоление догматизма и выработку новых концепций. Источниковая база обогатилась за счет мемуарной литературы, сборников воспоминаний, статистических сборников о женщинах СССР, сборников документов⁵. Выходят первые монографические работы по женской тематике (Бисенова, 1965; Нурбекова, 1968; Садвокасова, 1969). Для 1970–1980-х гг. характерны рост количества публикаций по женской истории, расширение спектра изучаемых проблем, привлечение новых источников. Вышли в свет сборники документов⁶.

Но в большинстве работ этого периода, как и в предшествующее время, утверждался нарратив о решенности женского вопроса в СССР (Майлыбаева, 1975; Кунантаева, 1978; Борьба за советскую ... , 1982). Многие проблемы статуса женщины в семье и обществе замалчивались.

В 1990-е гг. в Казахстане продолжалось изучение женской тематики. С. С. Карпыкова выделила этапы и основные направления казахстанской историографии «женского вопроса»⁷. Ценную информацию о гендерных отношениях, положении женщины в традиционном казахском обществе содержат материалы обычного права казахов⁸, монография И. В. Стасевич (Стасевич, 2011), диссертация Г. А. Мейрмановой⁹. Ж. К. Кундакбаева (Кундакбаева, 2017) в монографии рассматривает способы и формы репрезентации идеологического конструкта «новая советская женщина» и отражение его судьбах женщин Казахстана. Отдельные разделы книги посвящены женотделам 1920-х гг. и красным юртам.

Советский опыт решения женского вопроса в республиках Центральной Азии в 1920–1930-е гг. был в поле внимания исследователей дальнего зарубежья. В 1974 г. вышла книга Г. Масселла «The Surrogate Proletariat» («Суррогатный пролетариат») (Massell, 1974). Автор утверждает, что раскрепощение мусульманок Средней Азии было предпринято большевиками в целях осуществления экономических реформ. Его главным аргументом является тезис о «суррогатном пролетариате»: коммунисты, не имея реального рабочего класса в Центральной Азии, который мог бы поддержать революцию, участвовали в «освобождении» женщин с целью превратить их в суррогатный пролетариат. К данному аргументу Г. Масселла обратились многие западные исследователи (Northrop, 2004; Suny, 1998; Ashwin, 2000).

¹ Мелентьев Д. В. Женотделы Средней Азии в 1920-е гг.: Методы и результаты кампании раскрепощения мусульманок: автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 2024. С. 23.

² Карпыкова С. С. Женщины Казахстана в советской исторической литературе 20-х — сер. 30-х гг. XX века: учебное пособие. Алматы: АГУ им.Абая, 1996. С.10.

³ Есова С. Памятка волонизатора по работе среди женщин. Кзыл-Орда, 1926; Эшірай қызым. Уралда кенес мушесі эйелдердін тунгыш съезі [Дочь Аширай. Первый съезд женщин-членов советов на Урале] // Эйель тендігі. 1927. № 12 (24). 28–30 б.

⁴ Уразбаева А. К перевыборам делегатских собраний // Известия Казкрайкома РКП(б). 1926. № 1. С. 21–27.

⁵ В огне революции. Воспоминания участников Великой Октябрьской революции и гражданской войны в Казахстане / под ред. П. Пахмурного, Т. Елеуова, Алма-Ата: Казгосиздат, 1957; Наши сестры: сборник / под ред. Г. Шарипова; сост. Х. Сейтказиева. Алма-Ата: Казгосиздат, 1961.

⁶ Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.). Сборник документов и материалов. М.: Мысль, 1971; Женщины Казахстана — активные строители социализма (1918–1945): сборник документов и материалов. Алма-Ата: Казахстан, 1981.

⁷ Карпыкова С. С. Женщины Казахстана: проблемы историографии (20–80-е гг. XX века): дисс. ... канд. ист. н. Алматы, 1997.

⁸ Материалы по казахскому обычному праву / сост. Т. М. Культилеев и др. Алматы: Жалын, 1998.

⁹ Мейрманова Г. А. Культура общения у казахов: трансформация традиционного этикета: дисс. ... канд. ист. н. М., 2008.

Так, Д. Нортроп разделяет мнение Г. Массела об экономической обусловленности раскрепощения. Автор считает раскрепощение насильственной кампанией большевиков, которая продолжила политику русского империализма. По его мнению, большевики через женотделы выполняли «цивилизаторскую миссию» по отношению к «туземцам» (Нортроп, 2011). Иной точки зрения придерживается М. Камп. Применив социологический метод устного опроса, исследовательница в 1990-х гг. взяла ряд интервью у женщин — очевидцев Худжума (Камп, 2006: 14). Автор утверждает, что раскрепощение в Средней Азии не было продолжением русской колониальной политики; оно имеет сходство с аналогичными процессами в Иране и Турции, в том числе и в мерах «принуждения женщин к свободе» (Камп, 2006: 4).

В тувиноведении имеется множество трудов, содержащих материалы по истории женского движения в Туве в 1930-е гг.

Некоторые аспекты данной темы затронуты в ряде работ (Сердобов, 1953, 1985; Дулов, 1956; Гребнев, Очур, 1971; Аранчин, 1982). Об эволюции в положении тувинской женщины с 1921 по 1960-е гг. повествует сборник 1967 г.¹, содержащий биографии активисток женского движения Б. Ш. Долчанмаа, Х. А. Анчиммаа, А. Н. Торжу и мн. др.

Важный вклад в изучение женской тематики внесли диссертация² и монография В. А. Забелиной (Забелина, 2010). В своих работах историк раскрыла содержание, формы и методы деятельности тувинских женотделов в 1930-х гг., показала помощь со стороны Русской Трудовой колонии (РСТК) и России в политическом и культурном просвещении тувинских женщин. Деятельность женотделов в 1930-х гг. обстоятельно рассмотрена в диссертации З. Ю. Доржу³. Серьезного внимания заслуживают работы О. Д. Натсак, в которых освещены проблемы гендерной истории Тувы 1920–1930-х гг. (Натсак, 2022, 2023).

Ценным источником является сборник, составленный Ш. Ш. Шыырап и вышедший в 1967 г.⁴ Он содержит статистические данные об участии тувинок в строительстве нового общества, о повышении их трудовой и общественно-политической активности. Вместе с тем статьи сборника носят декларативный характер, замалчивают имевшиеся проблемы женщин.

Таким образом, краткий историографический обзор позволяет сделать вывод, что опыт решения «женского вопроса» в республиках Центральной Азии в 1920–1930-х гг. был объектом многих исследований. Однако, несмотря на обширную и многоплановую историографию «женского вопроса», история женского движения 1920–1930-х гг. в республиках Центральной Азии еще недостаточно изучена. В том числе не исследована деятельность женотделов, например, в Казахстане и Туве. Тем самым замалчивается важный этап истории женского движения этих регионов, предаются незаслуженному забвению имена его лидеров. Данная статья поможет восполнить этот пробел и определить роль женского движения 1920–1930-х гг. в создании основ женской эмансипации в этих республиках.

Исторические условия зарождения женского движения Казахстана и Тувы

Казахов и тувинцев сближает принадлежность к тюркоязычным народам Центральной Азии, к великой кочевой цивилизации и общность исторических судеб. Есть и различия между ними: религиозные (казахи исповедуют ислам, тувинцы — буддизм и шаманизм), культурные, демографические⁵ и политические.

В 1926 г. в Казахстане проживало 6503 тыс. чел.; из них женщины — 3171909, или 48,8%, мужчины — 3331097, или 51,2%. Казахи составляли 57,1%, русские — 19,6% (Краснобаева, 2004: 9). В 1925 г. в ТНР проживало 52700 тувинцев. В 1931 г. население республики составляло 82183 чел., из них тувинцев было 64199, русских — 17270. Среди тувинцев мужчин было 33574, или 51,72%; женщин — 31337, или 48,28% (Натсак, 2004: 99–134). Таким образом, численность населения в Казахстане и Туве в рассматриваемый период была разной, но гендерное соотношение — примерно одинаковым.

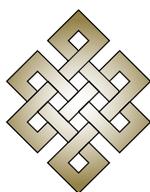
¹ Славные дочери Тувы (очерки). Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1967.

² Забелина В. А. Раскрепощение женщины-тувинки и ее участие в некапиталистическом развитии Тувы (1921–1944 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1977.

³ Доржу З. Ю. Социальное положение женщин в Республике Тува. История и современность (1921–1993 гг.): дисс. ... д-ра ист. н. М., 1993.

⁴ Женщины Советской Тувы: сборник статей. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1988.

⁵ Для сравнения взяты данные первых переписей, проведенных в Казахстане в 1926 г. и в ТНР — в 1925 и 1931 гг.

Казахстан и Тува имели разные юридические статусы в 1920–1930-х гг., что наложило отпечаток на их политические процессы, в том числе на решение женского вопроса. Казахстан с XVIII в. до Октябрьской революции 1917 г. был колонией царской России. В 1920 г. вошел в состав Советской России как Киргизская АССР (с 1925 г. — Казахская АССР), а в 1937 г. — как Казахская ССР (История Казахстана ..., 2010: 174, 225, 236).

Тува во второй половине XVIII — начале XX в. была колонией Цинской империи. После падения Цинской династии и национально-освободительной борьбы в Китае в 1911–1912 гг. тувинский народ обрел независимость. В 1914 г. Тува приняла протекторат России, а в 1921 г. на Всетувинском учредительном хурале была провозглашена Тувинская Народная Республика (ТНР). Первое суверенное государство тувинцев установило союзнические отношения с Советской Россией.

В Казахстане правила Российская коммунистическая партия (большевиков) (РКП(б)), в Туве — Тувинская народно-революционная партии (ТНРП). Казахстан в начале 1920-х гг. и Тува в 1929 г. взяли курс на построение социализма, минуя капитализм. Одним из главных направлений модернизации общества по советскому образцу было «раскрепощение» женщин и вовлечение их в социалистическое строительство. Для решения этой задачи в республиках было узаконено равноправие граждан независимо от пола.

Первая советская конституция 1918 г. установила политическое и социальное равноправие мужчин и женщин. Пункт о юридическом равноправии граждан независимо от пола во всех сферах социальной жизни был включён в Декларацию прав трудящихся Киргизской АССР 1920 г.¹ и Конституцию Казахской АССР 1926 г.²

Уже в первой половине 1920-х гг. законами были отменены калым и многоженство, введены наказания за принуждение к замужеству, за брак с малолетними, умыкание и аменгерство³.

Равенство всех граждан перед законом было провозглашено в первой Конституции Республики Танну-Тува Улус 1921 г. (История Тувы, 2007: 128–129). Равноправие мужчин и женщин было закреплено в Конституциях ТНР 1924, 1926 и 1930 гг.⁴ Но борьба за фактическое гендерное равенство началась в Туве только после VIII съезда ТНРП 1929 г., провозгласившего курс на построение социализма и ориентацию на советскую Россию. Уголовными законами 1930 и 1934 гг. были введены наказания за двоеженство и многоженство, за вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста (18 лет), за выкуп невесты, за похищение женщины или принуждению ее к браку (Натсак, 2021:160).

Таким образом, в Казахстане в 1920-х гг., в Туве в 1930-х гг. были созданы правовые основы гендерного равенства.

Однако законодательное уравнивание женщины в правах с мужчиной было только первым шагом к ее фактическому раскрепощению. Одной из главных предпосылок полного раскрепощения женщины является ее непосредственное участие в общественном производстве и государственной жизни страны.

В начале 1920-х гг. в советской стране и 1928 г. в ТНР по инициативе правящих партий были созданы женотделы; они стали проводниками гендерной политики. Условия, в которых началась деятельность казахстанских и тувинских женотделов, были во многом схожими: патриархально-феодалные отношения, кочевой образ жизни, отсталость и неграмотность населения, бесправное и зависимое положение женщин, отчуждение их от общественного производства. Данные обстоятельства предопределили почти полное совпадение целей, задач и методов работы с женщинами. Вместе с тем были и особенности политического характера, обусловленные разными юридическими статусами республик.

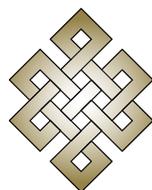
В Казахстане женотдел был открыт при Казахском облпартбюро в 1921 г. В 1923 г. его возглавила Алма Уразбаева. Женотделы были созданы также при губкомах и парткомах всех административных

¹ Хрестоматия по истории Казахстана. 1900–1945 / сост. Козыбаев И. М., Козыбаев М. К. Алматы, 1994. С. 170.

² Конституционное право Республики Казахстан. Академический курс: в 2-х т. / под общ. ред. К. А. Мами. Алматы, 2021. Т. 1. С. 137.

³ Аменгерство — древний обычай казахов, по которому овдовевшая супруга выходит замуж за одного из братьев покойного мужа.

⁴ Конституции Тувы 1921–1993 гг.: сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР / сост. В. А. Дубровский. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1999. С. 25.

единиц¹. В 1930 г. женотделы были ликвидированы в Казахстане, как и во всей советской стране. Политическая работа среди советских женщин стала осуществляться женсекторами в контексте общих задач государства и партии.

В Туве в 1928 г. по решению VII съезда ТНРП при ЦК партии был создан отдел по работе среди женщин (История Тувы, 2007: 151). Руководителем первое время работал ревсомолец² Дажи-Билби, через год заведующей была утверждена Донгак Барыкаан (Забелина, 2010: 39). Женотделы были открыты и в хошунных комитетах, и в сумонах при партячейках (там же: 39). В отличие от ситуации в советских республиках, их деятельность не прекратилась в 1930 г. Возникнув в ТНР, они продолжили свою работу в советский период как женсоветы.

Следовательно, в Казахстане женотделы функционировали в 1920-х гг., в период новой экономической политики (НЭП), в Туве — в 1930-х гг., в период строительства экономического фундамента социализма. Существенным отличием тувинских женотделов по сравнению с казахстанскими было руководство со стороны III Коммунистического Интернационала, а также помощь Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК), возникшей на основе объединения русского населения в 1921 г. (Сердобов, 1985: 161–162; Забелина, 2010: 28; Аранчын, 1977: 72–89). В работе среди араток ТНРП опиралась на советы и рекомендации Коминтерна, на опыт РКП(б) (История Тувы, 2007: 151).

Таким образом, при большом сходстве политических контекстов Казахстана и Тувы в рассматриваемый период, в них имелись и специфические особенности, во многом обусловленные разными юридическими статусами республик.

Подходы к работе с женщинами в Казахстане и Туве

Несмотря на формальное предоставление равных политических прав в Советской стране и Туве, трудящиеся женщины не могли немедленно воспользоваться своими правами.

По мнению большевиков, это было связано с низким уровнем политической грамотности и политической активности женщин. Большевистские лидеры рассматривали женщин не просто как угнетаемый, но и как «культурно отсталый» слой населения. В партийных документах ранней советской эпохи подчеркивалась необходимость «привлечения женщин к самостоятельному участию», «полного освобождения женщин», «переделки заскорузлых, окостенелых порядков»³. В большевистском проекте создания «нового советского человека» «новой женщине» предстояло из отсталой и неграмотной стать активным строителем социализма, наравне с мужчиной.

Согласно концепции А. Коллонтай, «новая женщина — личность, самоценный человек, со своим собственным внутренним миром, индивидуальность, утверждающая себя, срывающая ржавые оковы своего пола»⁴. Автор с уверенностью заявляла, что «коммунизм раскует домашнее рабство женщины, с тем, чтобы сделать ее жизнь богаче, полнее, радостнее и свободнее»⁵. Условием освобождения женщины она считала передачу экономических и воспитательных функций семье государству.

Организаторами и исполнителями гендерной политики большевиков стали женотделы. В 1919 г. был создан Отдел по работе среди женщин ЦК РКП(б) (женотдел) под руководством И. Ф. Арманд. В 1921 г. в специальном документе о губернских женотделах была сформулирована его основная задача: «постановка агитации и пропаганды среди трудящихся женщин с целью привлечь их в ряды Р.К.П. и к советскому строительству»⁶.

Всего перед женотделами были поставлены три задачи: воспитание работниц и крестьянок в духе коммунизма и вовлечение их в ряды компартии; привлечение женской массы в советское строительство; постановка перед партией вопросов, которые прямо касаются положения женщин.

¹ В 1921 г. в составе КирАССР было 7 губерний (которые делились на уезды, волости, районы) и Адаевский уезд с подчинением центру республики. В 1924 г. в республику вошли Джетысуйская, Сыр-Дарьинская области, Каракалпакская АО.

² Ревсомолец — член Революционного союза молодежи, тувинского отделения (ТРСМ).

³ Ленин В. И. О задачах пролетариата в нашей революции. Международный день работниц // Ленин о трудящейся женщине. М.: Политиздат, 1925. С. 67, 103.

⁴ Коллонтай А. М. Новая мораль и рабочий класс. М.: Изд-во Всеросс. центр исполнит. ком. Советов, 1918. С. 17.

⁵ Там же.

⁶ Положение о губернских отделах по работе среди женщин // Известия ЦК РКП(б). 1921. № 32. С. 15–16.

Были определены два направления практической работы женотделов: делегатское движение и практиканство (выдвиженчество).

Предусматривалось активное участие женщин-делегаток в работе отделов социального обеспечения, труда, народного образования, здравоохранения. Женщины-делегатки, избравшиеся не только среди работниц и крестьянок, но и среди домохозяек, должны были участвовать в наблюдении за работой столовых и клубов, строительством и работой яслей и детских садов, в обеспечении охраны женского и детского труда.

В 1921 г. Женотдел ЦК РКП(б) провел совещание с коммунистками народов Востока, на котором были обозначены первоочередные задачи по развертыванию работы среди отсталых женщин рабоче-крестьянского происхождения как центральных районов страны, так и Востока. Среди 40 делегаток — две были из Казахской АССР¹.

Постановлением бюро Казкрайкома РКП (б) от 17 июня 1925 г. было решено реорганизовать газету «Тендік» («Равенство») в журнал «Әйел тендігі» («Равноправие женщин»), первый номер которого вышел в январе 1926 г. Постоянными авторами были Сара Есова (главный редактор), Нагима Артыкова, Атаниязұлы. Журнал разъяснял политику коммунистов, знакомил читателей с работой красных юрт, обсуждал проблемы улучшения быта, изменения хозяйственных форм, отмены калыма и многоженства. Главной задачей издания была пропаганда нового образа казахской женщины — грамотной, образованной, активно участвующей в строительстве социализма.

В Туве активизация работы среди женщин началась в конце 1920-х гг., после прихода к власти левых сил, сменивших старую политическую элиту (История Тувы, 2007: 142). VIII съезд ТНРП, состоявшийся в 1929 г., избрал новый состав руководства партии. В него вошли представители аратской бедноты, первые выпускники КУТВ².

VIII съезд ТНРП взял курс на продвижение Тувы к социализму, наметил меры по подъему экономики и культуры республики, росту трудовой и политической активности аратов. С 1929 г. началась интенсивная переориентация тувинского народа (в том числе и в «женском вопросе») с восточных стран (Китай, Монголия) на Россию. Съезд подчеркнул необходимость усиления работы с женщинами. В состав ЦК ТНРП были избраны три женщины — Кыс-Суруг, Сазанмаа и выпускница КУТВ Таня Камова (Сат) (История Тувы, 2007: 144, 145, 151).

Руководством для женотдела ЦК партии были тезисы Коминтерна «Методы и формы работы среди женщин коммунистических партий». Коминтерн определил цели и задачи женотделов: в странах Востока эти отделы под руководством революционных партий «должны вести борьбу со всеми предрассудками, правами, религиозными обычаями, тяготеющими над женщиной»³. Для регионов с кочевым населением рекомендовалась организация передвижных клубов.

В сентябре 1929 г. женотдел Исполкома Коминтерна (ИККИ) направил в ЦК ТНРП письмо, в котором были определены основные направления работы с женщинами (Забелина, 2010: 42). Подчеркивалась необходимость систематической разъяснительной работы среди тувинок с помощью различных форм. Женотдел ИККИ предложил структуру организации по работе с женщинами — отдел при ЦК ТНРП, который направляет работы низовых женотделов при партийных, хозяйственных и кооперативных организациях. В качестве начальной формы работы предлагался созыв собраний араток и батрачек с обсуждением таких вопросов, как «Зачем нам нужно объединять женщин?», «Что дает нам революционное правительство?» На этих собраниях рекомендовалось наметить активисток, с которыми в дальнейшем необходимо проводить делегатские конференции. Наиболее актуальным и неотложным Коминтерн считал вопрос о ликвидации безграмотности.

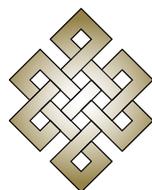
Эти документы Коминтерна легли в основу разработки ЦК ТНРП форм и методов вовлечения тувинских женщин в общественную жизнь республики.

Одним из таких методов стала периодическая печать. В ТНР стали издавать журнал «Хувискаалчы арат» («Революционный арат»), газету «Унэн» («Правда») и другие периодические издания. Они были

¹ Известия ЦК РКП(б). 1921. № 31. С. 6; Советское строительство. 1929. № 12. С. 95–103; № 2. С. 111–113.

² Коммунистический университет трудящихся Востока.

³ Коммунистический Интернационал в документах: решения, тезисы, воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. М., 1933. С. 242–255.

главным средством информирования о политике государства и партии в отношении женщин, о работе женотделов. В них публиковались статьи о стремлении женщин к знаниям, к новому быту и участию в общественной жизни. По просьбе женщин и после широкого обсуждения в газете «Унэн» слово *херээжок* 'ненужная' было заменено на слово *херээжен* 'женщина', предложенное ученым А. А. Пальмбахом (Забелина, 2010: 40). Тувинские газеты и журналы не только были рупором партии и правительства, но и выступали инструментом формирования «новой тувинской женщины».

Газеты и журналы формировали новые интересы, вводили новые ценности и социальные нормы. Они создали портрет «новой тувинской женщины»: образованная, работающая, активно участвующая в общественно-политической сфере, выполняющая новые семейно-брачные законы, воспитывающая детей по типу нового революционного человека, признающая на практике правила гигиены и современную медицину, политически сознательная (Натсак, 2023: 225).

Казахстан был частью советской страны, поэтому женское движение здесь оформилось под руководством центра. Основные подходы в работе с женщинами были выработаны и рекомендованы Женотделом ЦК РКП(б) в начале 1920-х гг. В Туве обстановка была более сложной; тувинский народ самостоятельно строил новое общество методом проб и ошибок. В 1920-х гг. в молодой республике правила старая политическая элита. После победы левых сил в 1929 г. был взят курс на построение социализма и сближение с Советской Россией. Системные основы для работы с тувинскими женщинами были полностью сформированы под руководством Коминтерна только в конце 1920-х гг.

Таким образом, в Казахстане в начале 1920-х, в Туве — в конце 1920-х гг. были созданы системные основы для работы с женщинами.

Основные цели и задачи женотделов

Цели и задачи женотделов в работе с женщинами были продиктованы актуальными проблемами республик.

Женотдел Казахского облпартбюро переработал «Тезисы по работе с женщинами», полученные из Женотдела ЦК РКП(б) с учетом особенностей местных условий. Была определена главная цель: вовлечение в общее революционное движение самой угнетенной части трудящихся — женщин Востока, в частности женщин-киргизок. Для ее достижения были поставлены конкретные задачи: проведение в жизнь декретов советской власти о многоженстве и калыме, открытие школ грамоты, женских клубов, вовлечение женщин в кустарные артели, детдома и ясли (Тезисы по работе с женщинами // АП РК, ф. 139, оп. 1, д. 475, лл. 9–10).

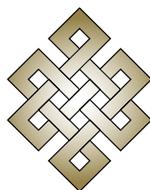
Основные цели в работе с тувинскими женщинами были определены в решениях VIII съезда ТНРП (1929 г.):

«Дальнейшая работа должна строиться по линии максимального привлечения женщин к государственной и общественной жизни страны, по линии вовлечения женщин в государственные, кооперативные и другие органы, по линии раскрепощения брака... (применяя широко судебные-репрессивные меры) по линии борьбы с семейным и бытовым закрепощением» (История Тувы, 2007: 151).

В директивной статье женотдела ЦК ТНРП, опубликованной в журнале «Хувискаалчи арат» в 1929 г., впервые были поставлены конкретные задачи перед низовыми звеньями: при хошунных партийных комитетах создать женотделы, организовать курсы по подготовке кадров для работы в женотделах, передвижные юрты для проведения просветительской работы среди женщин. При профсоюзных организациях намечалось создать производственные ячейки для трудоустройства женщин, выпустить брошюру с изложением различных инструкций, постановлений о работе среди женщин, о развитии народного хозяйства, а также материалов о советском опыте по работе среди женщин Казахстана и Киргизии. Рекомендовалось организовать делегатские собрания для беспартийных женщин (Натсак, 2023: 213).

Согласно архивным документам, первоочередной задачей женотделов Казахстана и Тувы была ликвидация неграмотности среди женщин.

По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., общий процент грамотности населения Казахстана в то время был незначительным. Доля грамотных в возрасте от 9 до 49 лет в общей численности населения (около 4 млн чел.) составляла всего 8,1%, причем среди

мужчин — 12%, среди женщин — 3,6%¹. В 1919 г. В. И. Ленин подписал декрет «О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР» (История Казахстана ... , 2009: 401). Были созданы всесоюзное общество «Долой неграмотность» и чрезвычайные комиссии по ликвидации неграмотности. В 1925 г. в казахском отделении всесоюзного общества «Долой неграмотность» состояло более 40 тыс. человек, которые участвовали в открытии 110 ликпунктов. Особое внимание уделялось работе среди женщин².

«Ликвидация неграмотности, — отмечала ветеран женского движения Казахстана Р. Аюханов-Куватова, — тогда была настоящим фронтом. Согласно указаниям укома, комсомольские активисты ставили маленькие спектакли, выезжали в аулы, кишлаки, привлекали молодежь, особенно девушек в общественную жизнь, в школу» (ГААО, ф. 51, оп. 1, д. 129, лл. 10–13).

В 1923 г. однодневная газета «Долой неграмотность!» (приложение к газете «Советская степь»³ № 130) сообщала, что в Семипалатинской губернии организовано 7 специальных женских ликпунктов, в которых обучалось 85 человек, в Акмолинской, Кустанайской, Уральской и Букеевской губерниях — по одной женщине; в Букеевской орде в ликпункте обучалось 40 казашек. Газета писала о работе женотделов среди крестьянок и казашек в глухих аулах: «Очень трудно расшевелить эту отсталую массу, пробудить в ней стремление к знанию и грамоте — это знает женотдел в своей работе» (ГААО, ф. 1363, оп. 1, д. 594, л. 2об).

В отчете Комиссии по улучшению труда и быта женщин при ЦИК Казахской АССР отмечалось, что по переписи 1926/27 г., средний процент грамотности женщин Казахстана составил 11,8%, в том числе процент грамотности женщин в городах — 36%, в аулах, кишлаках и селах — 6,7%, процент грамотности аульных казашек — 5,6%. В 1927/28 г. прошли через все ликпункты и обучены грамоте около 7000 женщин, что составило 25% всех обученных, в 1926/27 г. женщин в общей массе обученных было 17%. При красных юртах действовали специальные ликпункты для казахских женщин: в Актюбинском округе — 9 с охватом 489 казашек, в Кустанайском округе — 15 с охватом 310 казашек, в Павлодарском округе — 3 с охватом 100 казашек, в Семипалатинском округе — 6 с охватом 112 казашек⁴.

Благодаря овладению азбучной грамотой, казахские женщины впервые обрели доступ к высшему образованию, поступив в первые вузы Казахстана, открывшиеся в конце 1920-х — начале 1930-х гг. (Кунантаева, 1978: 50). В 1939 г. грамотность населения Казахстана в возрасте до 50 лет составила 83,6%⁵. Окончательно ликвидация неграмотности в Казахстане была завершена в конце 1960-х годов.

«Поход за грамотой» был успешно проведен и в ТНР. Как и все трудовые араты, тувинские женщины были неграмотны не только в силу своего статуса в обществе, но и из-за отсутствия национальной письменности. Согласно переписи 1931 г., из 31337 женщин Тувы грамотными были 836, что составляло 2,6% (Натсак, 2004: 99–134).

В 1923 г. вышло Постановление ЦК ТНРП об обучении молодежи русской и монгольской грамоте. В 1924 г. на I партийной конференции была поставлена задача обучения грамоте женщин-тувинок. Дело народного просвещения значительно ускорилось с введением тувинской письменности на основе латинизированного алфавита в 1930 г. Для обучения взрослых было создано общество «Долой неграмотность» (ОДН). Повсеместно в хошунах были созданы ячейки общества, которые содействовали организации кружков грамоты взрослых. Общество прекратило свою деятельность после создания Министерством культуры штатных ликпунктов. В 1937 г. в Туве действовало 77 тыс. ликпунктов и более двух тысяч кружков грамоты (История Тувы, 2007: 273).

Несмотря на дефицит педагогических кадров, отсутствие учебников и канцелярских товаров, ликвидация неграмотности шла быстрыми темпами. Обучение проходило в юртах, чумах, избушках и даже под открытым небом, на лоне природы. В 1937 г. около 16 тыс. тувинских женщин обучались в кружках ликбеза и школах для взрослых. В историю Тувы вошла член ТНРП Иргит Дынгыжаа, обу-

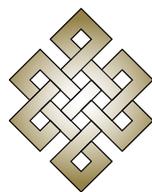
¹ Население Казахстана в 1917–1939 гг. (2019) [Электронный ресурс] // Qazaqstan tarihy. URL: <https://e-history.kz/ru/seo-materials/show/29324> (дата обращения: 02.07.2025).

² Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.). Сб. документов и материалов. Алма-Ата: Казахстан, 1965. Т. 1. С. 108; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. М., 1962. С. 59.

³ Газета «Советская степь» была органом Киргизского РКП(б), с 1929 г. Казкрайкома ВКП(б). Выходила в 1923–1932 гг.

⁴ Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936). Сб. док. и матер. М.: Мысль, 1971. С. 425.

⁵ Народное образование, наука и культура в СССР. Стат. сборник. М., 1971. С. 22.

чившая грамоте сотни своих подруг, награжденная Орденом Республики. Весомый вклад в дело просвещения внесли также женщины-активистки Донгак Барыкаан, Тагба, Санма, Баир (Забелина, 2010: 35–36). Грамотность тувинок возросла с 12% в 1932 г. до 74% в 1938 г. (Забелина, 2010: 57). После овладения грамотой многие тувинки впоследствии получили высшее образование в КУТВ, в отечественных и зарубежных вузах (там же: 55).

Кроме ликбеза, женотделы решали много других не менее важных задач. По свидетельству Р. Аюхановой-Куватовой, перед женотделом Баганалинского¹ райкома партии стояли большие задачи: организация делегатских собраний (т. к. через делегатов вели всю работу среди отсталых женщин²), ликвидация неграмотности, привлечение женщин к производству, на строительство Карсакпайского комбината, организация детских площадок силами женщин и комсомольцев, борьба с калымом, многоженством, аменгерством. Женотдел организовал выезды суда, милиции в Улу-Таускую волость. «Там, поставив юрты (для заседания суда, для арестованных калымщиков), — рассказывала Р. Аюханова-Куватова, — организовали показательные процессы — судебные заседания, и там, на месте мы использовали комсомольцев для выявления фактов многоженства, продажи за калым и т. д., и там же мы в судебном заседании — процессах, рассмотрели все материалы, которые выявили комсомольцы» (ГААО, ф. 51, оп. 1, д. 129, лл. 10–13).

В 1928 г. Р. Аюханова-Куватова была направлена в Сайрамский район Сыр-Дарьинской области для участия в Худжуме, так как в Сайраме значительную часть населения составляли узбеки³.

«Пришлось работать в тяжелых политических условиях, в период очень обостренной классовой борьбы, — вспоминала Р. Аюханова-Куватова. — Мне пришлось ездить по кишлакам верхом (вооружившись наганом), ходить по домам, с каждой женщиной, девушкой говорить, беседовать... — таким образом много женщин раскрывали лицо, их устраивали в артелях, чайханах, в кооперативах, охватывали ликбезами. И наконец наша взяла — в день 8-го марта съехались женщины — делегатки в Сайрам на окружной съезд женщин, девушек, снявших паранджу» (ГААО, ф. 51, оп. 1, д. 129, л. 9).

Анализ источников позволяет сделать следующий вывод. «Раскрепощение» женщины в двух рассматриваемых регионах проводилось по советскому образцу, хотя и с интервалом в 10 лет. Основные цели и задачи женотделов двух республик в работе с женщинами были практически идентичными. Это: обучение грамоте, основам санитарно-гигиенических знаний, политическое и правовое просвещение, борьба с родовыми пережитками, вовлечение в партийно-государственные органы, в общественно-политическую работу и хозяйственную жизнь.

Формы и методы деятельности женотделов

Для реализации поставленных целей и задач женотделы Казахстана и Тувы применяли формы и методы работы с женщинами, адаптированные к специфике местных условий и рекомендованные партийными организациями.

Как отметила О. Д. Натсак, «в методах и формах работы с женщинами в ТНР практически не было своих собственных практик. “Красные юрты”, “кочевые школы”, “красные уголки”, делегатские собрания, сеть женотделов и активисток — все эти формы были рекомендованы Коминтерном и реализованы не только в ТНР, но и в других странах» (Натсак, 2021: 236). Это в полной мере относится и к Казахстану.

Женские форумы — делегатские собрания, конференции, общие собрания, съезды — широко применялись в практике женотделов Казахстана и Тувы.

В Казахстане делегатские собрания в середине 1920-х гг. считались основным методом коммунистического влияния на беспартийные массы. Их целью было вовлечь «отсталые слои» работниц и крестьянок в партию, во все общественные и государственные органы и учреждения. Делегатки

¹ Баганалинский район был образован в 1920 г. в составе Атбасарского уезда Акмолинской области Киргизской (Казахской) АССР.

² Отсталыми большевики считали всех женщин страны, не воспринимавших новую власть или колеблющихся.

³ В 1924 г. в результате национально-государственного размежевания Средней Азии в состав Казахстана вошли Джетысуйская, Сыр-Дарьинская области и Каракалпакская АО. В связи с этим в этнической структуре края появились узбеки, уйгуры и другие национальности. Основная часть узбеков проживала в Сыр-Дарьинской области.

избирались на четыре месяца в городах и на шесть месяцев по волостям. Согласно инструкции Казахского обкома РКП(б) 1922 г., делегатские собрания должны были созываться от представителей деревни и ближайших совхозов, коммун, артелей и аулов один раз в месяц. На них обсуждались доклады волостных организаторов и делегатов с мест, проводилось политпросвещение по определенной программе. Для ознакомления с советским, хозяйственным строительством и профсоюзами делегатки командировались в учреждения в качестве практиканток (АП РК, ф. 139, оп. 1, д. 461, л. 2).

Уездный женотдел в г. Акмолинске¹ в 1923 г. имел штатных разъездных инструкторов, систематически проводил делегатские собрания и конференции, направлял работу делегатов в детдомах, приютах, домах призрения, школах. Активистки женского движения в г. Акмолинске организовали спектакли, концерты с чтением лекций, беседы, читки книг. Состав делегатов численно возрос. В августе 1923 г. насчитывалось 168 делегатов, 79 в городах и 89 — в уезде (из них 24 чел. в городах, 30 — в уезде были из числа казашек, а 21 из делегатов состояла в РКП(б). Уездный женотдел провел значительную работу с целью освобождения женщин от гнета феодально-патриархальных обычаев — калыма, аменгерства и др., а также вовлечения их в учебу и социалистическое строительство (ГААО, ф. 5, оп. 1, д. 188, лл. 21, 22).

Женактивистка г. Акмолинска А. С. Корнилова писала в своих воспоминаниях:

«В 1928 г. была женделегаткой, мы комсомольцы вместе с активом женщин ходили по квартирам, выявляли неграмотных женщин, вовлекали их в ликбезы, в общественную жизнь, разбирали всевозможные заявления женщин, особенно казашек, которые были в полной кабале, над ними глумились мужья-деспоты. Нуждающихся женщин устраивали на работу, не имея сами одежки и обуви, собирали вещи для бедных семей, чтобы дети могли пойти учиться. В 1924–1926 гг. женделегатки часто выезжали в села Рождественку, Киевку, Александровку и др. для разъяснения текущего момента» (ГААО, ф. 51, оп. 1, д. 130, л. 35).

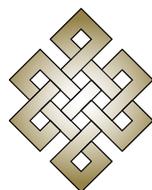
Отчет Отдела работниц Казкрайкома РКП(б) за 1924–1925 г. (АП РК, ф. 139, оп. 1, д. 413, лл. 16–37) содержит информацию о проведении делегатских собраний в городах и аулах и беспартийных конференциях среди «отсталого» женского населения в кочевых и полукочевых районах. Согласно отчету, в 1925 г. в Казахстане было 1078 делегатов, из них 3925 казашек, 6486 русских и 376 представителей «нацменьшинств». Всего было проведено за 1925 г. 1900 делегатских собраний, из них русских — 1455 и казахских — 445. За 1924–1925 гг. было проведено 336 конференций, в которых участвовали 21273 женщины. На конференциях обсуждались вопросы «Положение женщины прежде и теперь», «Что дала советская власть женщине?» (АП РК, ф. 139, оп. 1, д. 413, л. 21).

Общие собрания проводились в основном в клубах. В вышеупомянутом отчете отмечалось, что «женщины зачастую не ходят на общие собрания, если и ходят, то пассивны». Для повышения посещаемости собраний женотдел Казкрайкома партии рекомендовал привлекать в клубы молодежь (АП РК, ф. 139, оп. 1, д. 413, л. 26).

В Казахстане проводились также съезды женщин. В архивных документах имеются сведения о съездах женщин-мусульманок. Так, в марте 1921 г. в Семипалатинске прошел губернский съезд мусульманок (85 женщин) по инициативе губернского женотдела. Организаторы рассчитывали «пробудить от вековой спячки женщину-мусульманку и поставить ее на путь борьбы за свое освобождение, привлечь ее на сторону партии» (Аманжолова, 2024: 26). Кроме заседаний, обсуждавших стандартные вопросы о положении женщин до и после революции, международное и хозяйственное развитие, делегатки посетили музей, радиостанцию, детские ясли, дом матери и ребенка. Особый интерес у женщин вызывали вопросы охраны материнства и детства и дошкольного воспитания детей. В резолюциях в принятой для этого времени риторике говорилось о борьбе против темноты и невежества, освобождении от господства мужчины и т. д. Было решено создать киргизо-татарскую секцию губженотдела, избрано 7 делегатов на Всероссийский съезд женщин народов Востока (Алпыспаева, Жуман, 2022: 13).

В Туве проводились общие и делегатские собрания по примеру СССР. Опыт работы был накоплен в РСТК, где делегатские собрания были созданы под руководством Женотдела ЦК РКП(б). Русские делегатки помогали тувинкам проводить делегатские собрания. Делегатки избирались на определенный срок, поэтому в них могли пройти обучение широкие массы женщин. Программа делегатских собраний состояла из теоретического и практического раздела. Делегатки проходили практику в

¹ Акмолинский уезд с апреля 1921 г. был в составе Акмолинской губернии с центром в г. Петропавловске.

учреждениях и предприятиях, на местах брали шефство над школами, медицинскими и детскими учреждениями (Аранчын, 1977: 87).

В 1929 г. среди араток создали делегатские собрания в г. Кызыле, в 1931 г. — в густонаселенных хошунах. Всего в 1931 г. было создано 14 собраний со 114 делегатками. На них обсуждали такие актуальные вопросы, как развитие Тувы по некапиталистическому пути, о работе кооперативов, о воспитании детей, об участии активисток в создании общества по ликвидации неграмотности, о международном и внутреннем положении страны¹.

Но делегатские собрания в кочевых районах с трудом приживались, поэтому в 1934 г. в Туве от них отказались, сосредоточившись на привлечении активных араток на совещания, конференции, съезды, всетувинские собрания активисток (Натсак, 2022: 47).

Всетувинские собрания готовились под руководством женотдела ИККИ. Советские гражданки из РСТК передавали свой опыт через совместные русско-тувинские собрания. Первая русско-тувинская конференция состоялась 8 марта 1929 г. В ней приняли участие 30 тувинок и 90 русских делегаток, а также 250 гостей (Аранчын, 1977: 86). На конференции были обсуждены актуальные вопросы: значение делегатских собраний в интернациональном воспитании, проблемы работы ТНРП среди женщин, мировое женское движение. В резолюции конференции была поставлена задача вовлечения женщин в общественную жизнь и учебу. Конференция установила традицию совместного празднования международного женского дня 8 Марта.

Всетувинское собрание женщин 1930 г. указало на необходимость проведения антирелигиозной пропаганды среди тувинских женщин и привлечения их к борьбе с ламами и феодалами (Натсак, 2022: 49).

Большую роль в мобилизации араток на участие в строительстве социализма сыграли I и II съезды тувинских женщин. На I съезде (1931 г.) были приняты важные решения: о вступлении женщин в кооперативные хозяйства; о содействии перехода кочевников на оседлость; об улучшении жилищно-бытовых условий граждан. II съезд тувинских женщин (1938 г.) подвел итоги работы среди женщин за предыдущие семь лет: позитивные перемены в жизни женщин, повышение уровня грамотности до 74%, расширение их участия в общественной жизни (Забелина, 2010: 43).

Вместе с тем, в работе двух съездов З. Ю. Доржу отметила общий недостаток: забвение интересов матери и семьи, что сказалось в будущем².

Особыми формами приобщения женщин Востока к культуре были клубы, «красные юрты» и «красные уголки».

В Казахстане к 1925 г. было 5 женских клубов, 32 уголка с 40 кружками. Через них прошло 886 женщин (АП РК, ф. 139, оп. 1, д. 113, л. 26). В клубах и уголках применялись традиционные методы: общие собрания женщин, беседы, «громкочтения газет и журналов», спектакли, кружки (рукодельный, хоровой, правоведения, санитарии и гигиены).

Так, 8 марта 1925 г. в г. Джаркенте состоялось торжественное открытие женского клуба им. К. Цеткин. При клубе имелись отдел справок, детская консультация, мастерская кройки и шитья, библиотека, действовали три школы ликбеза и ячейка общества «Долой неграмотность»³. Весной того же года был открыт первый женский клуб в г. Туркестане. А. И. Назарова⁴ в своих воспоминаниях поведала, что в клубе проводили беседы и собрания на темы: об отмене калыма и многоженства, о правах женщин; лекции врачей о туберкулезе, о глазных и других болезнях. «Женщины-казашки, — вспоминала она, — приходили сами с открытыми лицами, но женщин-узбечек в парандже приводили или привозили на арбах мужья»⁵.

¹ Доржу З. Ю. Социальное положение женщин в Республике Тува. История и современность (1921–1993 гг.): дисс. ... д-ра ист. н. М., 1993. С. 84.

² Там же. С. 89.

³ Культурное строительство в Казахстане (1918–1932). Т. 1. С. 386; Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сб. док. Алма-Ата, 1962. С. 511.

⁴ Возглавляла женотдел при Туркестанском уездном комитете РКП(б) в 1925 г.

⁵ Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.): сборник документов и материалов. М.: Мысль, 1971. С. 354.

Правительство ТНР в 1930–1940-х гг. по примеру СССР стало развивать сеть клубов. К концу 1937 г. в республике действовало 17 клубов и 67 библиотек. К 1943 г. количество клубов увеличилось до 26 (История Тувы, 2007: 305). Активно использовали клубы в политпросвещении женотделы Дзун-Хемчикского, Улуг-Хемского, Тандинского хошунных и Кызылского городского комитетов ТНРП (Забелина, 2010: 58).

«Красные юрты» применялись в кочевых районах. «Первые гонцы побеждающей степь новой жизни»¹, — так назвала их активистка РКП(б), организатор работы среди женщин-мусульманок и кочевниц в национальных регионах СССР А. Нухрат.

Летом 1925 г. Казкрайком РКП(б) направил всем губкомам партии циркуляр об организации женских «красных юрт». «Задачей женских красных юрт, — указывалось в положении о волостной женской красной юрте, — является прежде всего политико-воспитательная работа среди женщин и организация их вокруг красных юрт, а также освещение политики партии, Советской власти, содействие ее проведению и привлечение женщин-казашек к социалистическому строительству»².

Штаб «красной юрты» обычно состоял из трех человек — заведующего юртой, который занимался ликвидацией неграмотности, медицинского работника (обычно это была акушерка) и человека, хорошего разбиравшегося в правовых вопросах.

В этот период кочевое население республики не имело стационарных учреждений охраны материнства и младенчества; был острый дефицит специалистов. В 1926 г. была создана Комиссия по улучшению труда и быта женщин при ЦИК Казахской АССР. В Отчете Комиссии сообщалось, что с 1926 г. «красные юрты» наряду с передвижными консультациями были основными формами работы по охране материнства и младенчества. Практическое участие органов здравоохранения в организации «красных юрт» выражалось в укомплектовании их акушерками (с соответствующим оборудованием) и выставками по охране материнства и младенчества³.

Поначалу аулчане недоверчиво относились к «красным юртам», неохотно шли на контакт. Чтобы расположить к себе местное население, девушки-избачи надевали национальную одежду, исполняли народные песни у своей юрты, в качестве приманки использовали швейные машинки и примусы. Постепенно люди потянулись к юртам под красными флагами (ГААО, ф. 51, оп. 1, д. 129, л. 183; ф. 51, оп. 1, д. 130, л. 213).

О многогранной деятельности красных юрт свидетельствует Отчет заведующей уездным женотделом Сеитовой от 29 июля 1927 г. о юртах в Джиландинской волости Акмолинского уезда. В отчете названы основные направления работы юрт: выезд в летний период на джайляу и работа с казахским населением, организация агитпоездов и выставок совместно с волкомом ВКП(б), организация вечеров вопросов и ответов, работа с «казачкой», участие в выборах женделегаток, беседы с «казачками» на злободневные темы: борьба за новый быт, раскрепощение женщины Востока, против калыма и многоженства, за права женщины по Конституции СССР, о санитарном просвещении, о ликвидации неграмотности. Юрты проводили также агропропаганду: агитацию за оседлость казахского населения, беседы о правилах ухода за скотом, награждали премией лучших хозяев-скотоводов, открывали скотоводческие кружки, знакомили население с Уставом сельхозартели (ГААО, ф. 1363, оп. 1, д. 168, лл. 1–3).

В беседах с населением в «красных юртах» преобладала медицинская тематика по сравнению с политической и идеологической. Популярностью среди женщин пользовались беседы о гигиене; о сифилисе; о яслях; гигиена беременной женщины; об охране матмлада⁴; о женских болезнях; уход за ребенком (Кундакбаева, 2017: 299–304).

В 1928/1929 г. в Казахстане действовали 74 «красные юрты»⁵. В них работали кружки рукоделия, кройки и шитья, по маслоделению; часть юрт обеспечивалась судебными работниками, которые проводили юридические консультации.

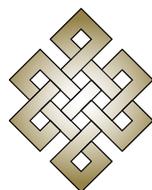
¹ Нухрат А. Юрты кочевки. М.: Центриздат, 1929. С. 55.

² Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.): сборник документов и материалов. М.: Мысль, 1971. С. 347.

³ Там же. С. 423–424.

⁴ Материнство и младенчество.

⁵ Коменкова Р. Деятельность Компартии Казахстана по вовлечению женщин в культурное строительство (1926–1941 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Алма-Ата, 1973. С. 18–19.

«Красные юрты» были первыми учреждениями культпросвета в кочевых районах Тувы. С 1930 г. в ТНР развернулось строительство кожуунных и сумонных центров со школами, медпунктами, клубами и избами-читальнями. В кочевьях центрами культуры стали «красные юрты»-передвижки, а в Тоджинском кожууне — «красные палатки», снабженные библиотекой, радиоприемниками, музыкальными инструментами. Заведующих юртами назначали, согласовав с ТНРП. Работники «красных юрт» обучали тувинцев грамоте, читали лекции по важнейшим вопросам международной и внутренней политики, на сельскохозяйственные темы, давали практические советы для освоения оседлого образа жизни. В юртах тувинцы узнавали о жизни в Советском Союзе, читали газеты и журналы, участвовали в концертах художественной самодеятельности. Агитировали за новую жизнь также избы-читальни, «красные уголки», сумонные и кожуунные клубы (История Тувы, 2007: 305).

В 1929/1930 гг. в Туве было 3 юрты-передвижки, в 1930/1931 гг. — 6 юрт-передвижек и 35 «красных уголков» (Натсак, 2022: 16). Была издана инструкция по созданию «красных уголков». В качестве целей создания красных уголков указывались «распространение идеологических знаний среди народа о деятельности партии, государства, агитационная работа среди членов и кандидатов в члены партии, просветительская работа среди женщин» (там же). Рекомендовалось выставить в «красных уголках» «современные книги, изданные на монгольском и бурят-монгольском языках, портреты великих вождей революции, руководителей ТНРП и государства, инструменты тувинского и других народов» (там же). Организаторы красных уголков должны были собирать аратов, читать им газеты, журналы, литературу, рассказывать им о политике партии и государства.

В Туве не было специализированных женских юрт; имевшиеся «красные юрты» проводили работу со всем населением, включая женщин. До начала 1940-х гг. юрты были основными «очагами» ликвидации неграмотности и агитации среди женщин. Но впоследствии, по мере расширения сети клубов, их количество сократилось.

Общественный труд был действенным методом «раскрепощения» женщин. Однако в Казахстане работа женотделов по организации женского труда шла медленно. Казахские женщины были заняты в кустарном производстве, производили ковры, вязаные пуховые изделия, выделывали овчину. Создание артелей затруднялось из-за отсутствия финансирования и сбыта продукции.

К 1925 г. в Казахстане было создано 12 артелей, из которых 5 — сельскохозяйственные, занимались огородом, бахчой. В Оренбурге артели занимались изготовлением платков, ковров, кошмы (АП РК, ф. 139, оп. 1, д. 1131, л. 18). Первые кустарные артели первоначально объединяли 1259 женщин, или 12% к общему числу кустарей. В 1929–1930 гг. в кустпромкооперацию были вовлечены 2 тыс. женщин, из них 70% составляли казашки¹.

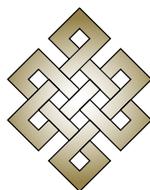
В конце 1920-х — начале 1930-х гг. ТНРП провозгласила в Туве так называемый левый курс, состоявший в ликвидации феодалов как класса, борьбе с религией, ускоренной коллективизации и переходе на оседлость (История Тувы, 2007: 183). Началось кооперирование сельского хозяйства, появились государственные хозяйства — госхозы, ТОЗы и ТУЖи², первые сельхозартели (колхозы). С середины 1920-х гг. начали работать промышленные предприятия, государственная и кооперативная торговля.

Вовлечение тувинской женщины в общественно-полезный труд было связано прежде всего с проведением коллективизации. Предполагалось, что колхозный строй откроет широкие возможности для развития творческого потенциала и организаторских способностей женщины.

В 1931 г. для продвижения идей кооперирования в госхозе «Элегест» был проведен I съезд колхозников Тувы. На съезде заведующая женотделом ЦК партии Т. Камова была избрана председателем Колхозного центра ТНР, который объединил под своим началом колхозы тувинских и советских граждан. Колхозный центр привлек немало тувинок в колхозы, воспитывал их в духе коллективизма. Колхозное движение выдвинуло из числа женщин таких авторитетных агитаторов и организаторов как Нанзалмаа, Боа, Мандыраа, Севиль (Забелина, 2010: 49). В колхозах и госхозах тувинские женщины получили возможность овладеть новыми профессиями, техникой и освоить новые отрасли сельского хозяйства.

¹ Там же. С. 267.

² Товарищества по совместной обработке земли и товарищества по улучшению животноводства.

Тувинские женотделы организовали с помощью русских мастериц многочисленные кружки кройки и шитья для многодетных тувинских матерей. На базе этих кружков возникли швейные артели кустарей. Первый кружок был создан в Кызыле в 1930 г. по инициативе заведующей Женотделом ЦК ТНРП Т. Камовой и с помощью РСТК.

Подобные кружки были созданы во всех хошунах. Обычно занятия проводились в юрте, где собирались женщины, учились мастерству кройки и шитья, работе на швейной машинке. Материалы они получали от потребкооперации и туда же сдавали готовую продукцию, которая затем поступала в магазины.

К 1940 г. в Туве действовало несколько золотых приисков. Женотделы помогали женщинам включиться в их работу. Так, на прииске «Харал» женские организации открыли кружки, в которых обучали женщин промывке руды и другим производственным операциям (Забелина, 2010: 53).

Таким образом, в арсенале женотделов Казахстана и Тувы были идентичные формы и методы работы: периодическая печать, общие и делегатские собрания, беспартийные конференции, съезды, избы-читальни, красные юрты, красные уголки, клубы, кружки, лекции, выставки.

Различия были в содержании их работы. В Казахстане женотделы в 1920-х гг. вовлекали женщин в кустарные артели; коллективизация началась в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Тувинские женотделы в 1930-х гг. вовлекали женщин в артели, колхозы и госхозы, так как в Туве проводился курс на коллективизацию.

В санитарно-просветительской работе женотделов Казахстана больше места отводилось вопросам охраны материнства и младенчества. В составе штабов «красных юрт» были медики (обычно это были акушерки) с соответствующим оборудованием. Это объясняется тем, что в Казахстане раньше начала формироваться советская модель здравоохранения. Наркомат здравоохранения был образован в 1920 г., Комиссия по охране материнства и младенчества (ОММ) — в 1926 г.

Но антирелигиозная пропаганда велась более активно тувинскими женотделами. Это было обусловлено сильным влиянием буддизма в Туве. После создания ТНР буддийское духовенство еще долгое время сохраняло свои позиции и оказывало влияние на политику правительства. Под воздействием большевиков в конце 1920-х гг. в Туве началась политика секуляризации институтов власти и правовых отношений (История Тувы, 2007: 259). Но уровень религиозности был по-прежнему высоким; религия занимала важное место в жизни тувинцев. Поэтому задачи антирелигиозной пропаганды среди женщин и мобилизации их на борьбу с ламами часто обсуждались на партийных, женских форумах и на страницах газет (Натсак, 2023: 214).

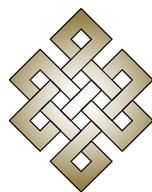
Итоги деятельности женотделов

Согласно Отчету отдела работниц Казкрайкома РКП(б) за 1924–1925 гг., общественно-политическая активность женщин Казахстана возросла. Их количество в советах созыва 1923–1924 гг. составляло 1176 (из них 445 казашек), в советах созыва 1924–1925 г. — 6663 (3492 казашки) (АП РК, ф. 139, оп. 1, д. 413, л. 31). Таким образом, количество казашек за один год в советах возросло почти в 8 раз. Такой всплеск женской активности авторы Отчета объясняют введением родового принципа выборов, происками баев, которые выдвигали в советы своих жен, а также влиянием «агитационной декорации» на женщин (АП РК, ф. 139, оп. 1, д. 413, л. 31).

В рядах партии в 1925 г. состояло 530 женщин, или 3,9% от общего числа коммунистов (из них 19 казашек), в 1926 г. — 806 женщин, или 6,9% от общего числа (из них 61 казашка) (АП РК, ф. 139, оп. 1, д. 992, л. 35).

Однако были и трудности, связанные с дефицитом «политически развитых» кадров в уездных и волостных женотделах, особенно коренной национальности. С целью усиления работы в кочевых районах в 1925 г. было организовано обучение 100 казашек на специальных курсах по подготовке жен-организаторов и в совпартшколах (АП РК, ф. 139, оп. 1, д. 1131, лл. 26–27).

Кроме того, женотделы Казахстана с трудом находили поддержку в массах. Против женского движения поднялась волна насилия. Открыто враждебное отношение к эмансипации женщин было со стороны баев, духовенства, кулаков, особенно в южных и юго-восточных регионах Казахстана. Архивные источники свидетельствуют о разных методах их саботажа — от истязаний женщин-активисток, делегаток, членов совета вплоть до убийств в период 1924–1925 гг. (АП РК, ф. 139, оп. 1, д. 413, л. 16).

Усиление влияния духовенства на женскую часть населения привело к полной остановке работы женотделов в Бухтарминском уезде и Уральской губернии Казахстана в середине 1920-х гг.¹

Итоги работы с тувинскими женщинами были обобщены в письме Женотдела ТНРП Исполкому Коминтерна². В письме отмечалось, что за 1920–1939 гг. в хошунах созданы 5 швейных артелей, в Кызыле организованы курсы кройки и шитья, 1194 женщины вступили в партию, 2146 — в ревсомол, 4892 женщины стали пайщиками потребкооперации, 6529 — колхозницы, на разных должностях в госаппарате работали 110, на партийной работе — 125 женщин. Среди избранных в органы местного самоуправления 25% составляли женщины. Девушки составляли 30% общего числа студентов, обучающихся в отечественных и зарубежных вузах. В 1931 г. женщины также принимали участие в кампании по конфискации имущества феодалов, в колхозном строительстве. Были организованы летние курсы для женорганизаторов.

К 1940 г. 1572 женщины были в составе ТНРП, что составляло 25,9% от общего числа членов. Уровень грамотности женщин возрос до 86,5%. В 1940 г. Х. А. Анчимаа-Тока была избрана на должность Председателя Президиума Малого Хурала ТНР, став первой в мире женщиной — главой государства (Натсак, 2021: 236).

Вместе с тем, как отметила З. Ю. Доржу, «руководство ТНР упустило из сферы своего внимания такое важное направление, как охрана материнства и младенчества. Это не могло не сказаться впоследствии на авторитете матери и семьи»³.

Женское движение в Туве вызвало сопротивление представителей старой знати, в том числе буддийского духовенства, противников эмансипации.

В отношении лиц, попиравших права женщин, партийные организации применяли воспитательные и административные меры воздействия. Так, в 1926 г. ЦК ТНРП направил в Улуг-Хемский хошун указание применить к ламе крутые меры с тем, чтобы он не запугивал женщин и не препятствовал их вступлению в партию (Забелина, 2010: 66).

Ламы негативно отнеслись к обучению грамоте женщин. В распространении национальной письменности в целом они видели подрыв устоев и своего авторитета. Ламы пытались оттолкнуть женщин от новых школ, от грамоты. Они утверждали, что изучение грамоты противоречит буддийскому учению, вызывает бесплодие у женщин и вредит беременным (Сердобов, 1953: 21–22).

Таким образом, преодолевая во многом схожие трудности и проблемы, женотделы Казахстана и Тувы выполнили свои задачи, способствовали повышению общественно-политической и трудовой активности женщин.

Заключение

Сравнительный анализ основных направлений и содержания деятельности женотделов двух регионов позволил выявить общие и особенные черты в кампаниях по раскрепощению женщины, проведенных в Казахстане в 1920-х и в Туве — в 1930-х гг.

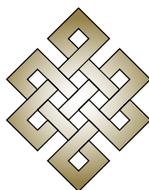
В рассматриваемый период произошли кардинальные перемены в Казахстане и Туве, изменившие траектории их движения. Казахстан в начале 1920-х гг., а Тува в начале 1930-х гг. встали на путь строительства социализма. «Освобождение» женщины стало неотъемлемой частью социальной модернизации двух кочевых обществ. Правящие в республиках партии рассматривали женщин как трудовой резерв и потенциального союзника, активно вовлекая женщин в общественное производство, в политическую и государственную деятельность. Созданные по инициативе правящих партий женотделы в Казахстане и Туве стали организаторами и исполнителями гендерной политики.

Деятельность женотделов Казахстана и Тувы разворачивалась в схожих исторических контекстах, но имелись политические нюансы, обусловленные социально-политическим статусом республик. В

¹ Ислам и советское государство. Вып. 1: (по материалам Восточного отд. ОГПУ.1926) / сост. Д. Ю. Арапов и Г. Г. Косач. М.: Изд. дом Марджани, 2010. С. 48.

² Доржу З. Ю. Из истории женского движения в Туве. IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Кызыл, 20–23 сентября 2018 г.). Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2018. С. 202.

³ Доржу З. Ю. Социальное положение женщин в Республике Тува. История и современность (1921–1993 гг.): дисс. ... д-ра ист. н. М., 1993. С. 87.

Казахстане, как части советской страны, многие процессы развивались с опережением во времени: раньше были сформированы правовая основа гендерного равенства и основные подходы к работе с женщинами, раньше возникли женотделы. Иной юридический статус имела ТНР. После обретения независимости Тува самостоятельно строила национальное государство и демократическое общество, в состав СССР она вошла только в 1944 г. Это наложило отпечаток на политические процессы республики, в том числе на решение женского вопроса. Работа с женщинами активизировалась в Туве в конце 1920-х гг., после принятия левого курса в политике.

Особенности политических процессов в двух республиках обусловили основные различия в содержании деятельности женотделов. Так, женотделы в Казахстане действовали в 1920-х гг., период НЭПа и вовлекали женщин в кустарные артели. Женотделы Тувы, действовавшие в 1930-х гг., когда был взят курс на коллективизацию, участвовали в создании колхозов и госхозов.

Вместе с тем основные направления, формы и методы работы женотделов Казахстана и Тувы были практически идентичными, так как были разработаны для республик Востока и рекомендованы Коминтерном и РКП(б).

В работе женотделов двух регионов отразилась вся непоследовательность и противоречивость культурных и социальных преобразований послереволюционного периода. «Освобождение» женщины проводилось форсированными темпами, с помощью командно-административных методов, что не могло не вызвать сопротивления в разных слоях общества.

Однако, несмотря на саботаж оппозиции, материальные и финансовые затруднения, дефицит кадров, женотделы обеих республик проделали огромную работу. Они выполнили свою миссию — провели идеи правящих партий в женские массы, вовлекали их в учебу, труд, общественно-политическую деятельность. Тем самым женотделы создали предпосылки для формирования «новой женщины», образованной и самодостаточной личности, круг интересов которой значительно шире забот лишь о семье и домашнем хозяйстве. Активисткам женотделы дали опыт политического лидерства, а каждой женщине — помогли осознать свои права и место в обществе. Женское движение 1920–1930-х гг. выдвинуло ряд талантливых организаторов из числа коренных народов Казахстана и Тувы. Во многом благодаря женотделам в положении казахских и тувинских женщин в 1920–1930-х гг. произошли поистине революционные и необратимые перемены. Современная гендерная политика, проводимая в Казахстане и Туве, берет истоки в периоде 1920–1930-х гг.; женотделы положили начало женскому движению, которое продолжается в настоящее время в новых формах и новых масштабах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аброськина, Е. В. (2012) «Свободные женщины Востока»: Репрезентация советской политики в области женского вопроса в экспозициях Государственного музея этнографии в 1920–1930-е гг. // Музей. Памятник. Наследие. № 2 (12). С. 106–119.

Алпыспаева, Г., Жуман, Г. (2022) Исламский дискурс в государственно-конфессиональной политике советской власти в Казахстане в 1920–1930-е гг. // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. № 1 (138). Серия Исторические науки. Философия. Религиоведение. С. 7–24. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-138-1-7-24>

Аманжолова, Д. А. (2024) «Женский вопрос» в 1920–1930-е гг. в советской национальной политике: некоторые проблемы изучения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 2 (47). С. 22–36.

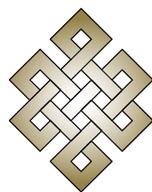
Аминова, Р. Х. (1975) Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. Ташкент : ФАН. 355 с.

Аминова, Р. Х. (1987) Историческая веха в решении женского вопроса в Узбекистане // Общественные науки в Узбекистане. № 5. С. 3–9.

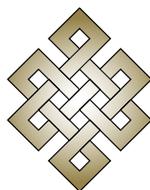
Аранчын, Ю. Л. (1977) РСТК и ТНР // Великий Октябрь и проблемы новейшей истории Тувы / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл : Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. 147 с. С. 72–89.

Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука. 337 с.

Барышева, Е. В. (2019) «Новая женщина» в контексте советской праздничной культуры 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. № 3. С. 887–899. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-3-887-899>

- Бильшай-Пилипенко, В. Л. (1948) Советская демократия и равноправие женщин в СССР / под ред. И. Т. Голякова. М. : Юридическое издательство. 64 с.
- Бильшай, В. Л. (1956) Решение женского вопроса в СССР. М. : Госполитиздат. 247 с.
- Бисенова, А. Б. (1965) Материнство и детство. Очерки охраны материнства и детства. Алма-Ата : Казахстан. 208 с.
- Борьба за Советскую власть в Казахстане (1982): в 2-х вып. / сост. Х. Г. Айдарова, С. Б. Кульбаев., В. П. Осипов. Вып 1. Алма-Ата : Казахстан. 236 с.
- Воронина, О. А. (1990) Женский вопрос // СССР: демографический диагноз / сост. В. И. Мукомель. М.: Прогресс. 694 с. С. 351–374.
- Гребнев, Л. В., Очур, В. Ч. (1971) Рабочий класс Тувы. Кызыл : Тувинкнигоиздат. 235 с.
- Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX в.). М. : Изд-во АН СССР. 607 с.
- Забелина, Г. А. (2010) Женщины Тувы в семье и обществе в первой половине XX века. Кызыл : ТУВИКОПР СО РАН. 120 с.
- История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) (2010): в 5 т. / отв. редактор К. С. Алдажуманов. Алматы: Атамұра. Т. 4. 768 с.
- История Тувы (2007): в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.
- Краснобаева, Л. Н. (2004) Динамика численности и этнический состав населения Казахстана по данным 1 Всесоюзной переписи 1926 г. // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. № 4. С. 7–22.
- Кунантаева, К. К. (1978) К вершинам знаний (Развитие женского образования в Казахстане 1920–1977 гг.). Алма-Ата : Казахстан. 136 с.
- Кундакбаева, Ж. Б. (2017) Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана, 1920–1930 годы. Алматы: Қазақ университеті. 350 с.
- Майлыбаева, Г. А. (1975) Женщина и общественное производство (на материалах Казахстана). Алма-Ата : Казахстан. 86 с.
- Мерзлякова, Г. В. (1993) Новые подходы в изучении женского вопроса // Историческое познание: Традиции и новации / сост. и общ. ред. В. Пузанов. Ижевск : Издательство Удмуртского университета. 232 с. С. 18–25.
- Натсак, О. Д. (2021) Правовой статус тувинских женщин сквозь призму законов Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 1. С. 148–173. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.8>
- Натсак, О. Д. (2022) Женский вопрос в Туве и Монголии в 1920–1930-е гг. // Азиатские исследования: история и современность». № 4 (4). С. 31–56. DOI: <https://doi.org/10.24412/2782-6139-2023-4-31-56>
- Натсак, О. Д. (2023) Женщины в публичном дискурсе в период Тувинской Народной Республики (историко-социологический анализ по материалам периодической печати) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 208–227. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.12>
- Натсак, О. Д. (2024) Особенности демографической, социально-профессиональной и социально-классовой структуры тувинского общества (по материалам сельскохозяйственной и демографической переписи 1931 г.) // Азиатские исследования: история и современность. № 3(11). С. 99–134.
- Нортроп, Д. (2011) Национализация отсталости: Пол, империя и узбекская идентичность / Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина; пер. с англ. В. И. Матузовой. М.: РОССПЭН. 376 с. С. 235–272.
- Нурбекова, Г. (1968) Женщины Казахстана — фронту. Алма-Ата : Казахстан. 156 с.
- Пальванова, Б. (1961) Дочери советского Востока. М. : Госполитиздат. 174 с.
- Пушкарева, Н. Л. (2012) Гендерная система в России 20 века и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. Вып. 117. № 5. С. 8–24.
- Садвокасова, К. (1969) Развитие женского образования в Казахстане. Алма-Ата : Казахстан. 136 с.
- Сердобов, Н. А. (1953) Народное образование в Туве. Кызыл : Тувинское кн. изд-во. 136 с.
- Сердобов, Н. А. (1985) Коминтерн и революционная Тува (1921–1944). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 240 с.
- Стасевич, И. В. (2011) Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб. : Наука. 202 с.

Татыбекова, Ж. С. (1963) Раскрепощение женщины Киргизии Великой Октябрьской социалистической революцией (1917–1936 гг.). Фрунзе : Изд. АН Киргизской ССР. 146 с.

Чирков, П. М. (1978) Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.). М. : Мысль. 256 с.

Шерстюков, С. А. (2020) «Раскрепощение» мусульманских женщин в Центральной Азии: стратегии сопротивления и способы адаптации (1920–1930-е гг.) // Народы и религии Евразии. № 4 (25). С. 148–160. DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2020\)4-10](https://doi.org/10.14258/nreur(2020)4-10)

Шукурова, Х. С. (1970) Социализм и женщина Узбекистана (Исторический опыт КПСС в раскрепощении женщин советского Востока на примере Узбекистана 1917–1937 гг.) / под ред. К. Е. Житова. Ташкент : Узбекистан. 364 с.

Ashwin, S. (2000) *Gender, State, and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London : Routledge. 186 p.

Kamp, M. (2006) *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. Seattle : University of Washington Press. 320 p.

Massell, G. (1974) *The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929*. Princeton : Princeton University Press. XXXVI, 448 p.

Northrop, D. (2004) *Veiled Empire Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca ; Londres : Cornell University Press. 392 p.

Suny, R. G. (1998) *The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States*. Oxford : Oxford University Press. 588 p.

Дата поступления: 20.07.2025 г.

Дата принятия: 13.10.2025 г.

REFERENCES

Abroskina, E. V. (2012) “Free women of the East”: Representation of Soviet policy on the woman question in the exhibitions of the State Museum of Ethnography in the 1920s–1930s. *Muzei. Pamyatnik. Nasledie*, no. 2 (12), pp. 106–119. (In Russ.)

Alpyspaeva, G. and Zhuman, G. (2022) Islamic discourse in the state-confessional policy of Soviet power in Kazakhstan in the 1920s–1930s. *Vestnik Evraziiskogo natsionalnogo universiteta imeni L. N. Gumileva. Seriya Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie*, no. 1(138), pp. 7–24. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-138-1-7-24>

Amanzholova, D. A. (2024) The “woman question” in the 1920s–1930s in Soviet national policy: some research issues. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 2(47), pp. 22–36. (In Russ.)

Aminova, R. Kh. (1975) *October and the solution of the woman question in Uzbekistan*. Tashkent, FAN. 355 p. (In Russ.)

Aminova, R. Kh. (1987) A historical milestone in solving the woman question in Uzbekistan. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, no. 5, pp. 3–9. (In Russ.)

Aranchyn, Yu. L. (1977) RSTK and TNR. In: *The Great October and the problems of modern history of Tuva*, ed. Yu. L. Aranchyn. Kyzyl, Tuvan Scientific Research Institute of Language, Literature and History. 147 p. Pp. 72–89. (In Russ.)

Aranchyn, Yu. L. (1982) *The historical path of the Tuvan people to socialism*. Novosibirsk, Nauka. 337 p. (In Russ.)

Barysheva, E. V. (2019) The “new woman” in the context of Soviet festive culture of the 1920s–1930s. *Vestnik arkhivista*, no. 3, pp. 887–899. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-3-887-899>

Bilshai-Pilipenko, V. L. (1948) *Soviet democracy and equality of women in the USSR*, ed. I. T. Golyakov. Moscow, Yuridicheskoe izdatelstvo. 64 p. (In Russ.)

Bilshai, V. L. (1956) *The solution of the woman question in the USSR*. Moscow, Gospolitizdat. 247 p. (In Russ.)

Bisenova, A. B. (1965) *Motherhood and childhood. Essays on the protection of motherhood and childhood*. Alma-Ata, Kazakhstan. 208 p. (In Russ.)

Aidarova, Kh. G., Kulbaev, S. B. and Osipov, V. P. (comps.) (1982) *The struggle for Soviet power in Kazakhstan*, in 2 issues. Alma-Ata, Kazakhstan. Issue 1. 236 p. (In Russ.)

Voronina, O. A. (1990) The woman question. In: *USSR: a demographic diagnosis*, comp. V. I. Mukomel. Moscow, Progress. 694 p. Pp. 351–374. (In Russ.)

Grebnev, L. V. and Ochur, V. Ch. (1971) *The working class of Tuva*. Kyzyl, Tuvinknigoizdat. 235 p. (In Russ.)

Dulov, V. I. (1956) *Socio-economic history of Tuva (19th – early 20th centuries)*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 607 p. (In Russ.)

- Zabelina, G. A. (2010) *Women of Tuva in family and society in the first half of the 20th century*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 120 p. (In Russ.)
- Aldazhumanov, K. S. (ed.) (2010) *History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)*, in 5 vols. Almaty, Atamura. Vol. 4. 768 p. (In Russ.)
- Lamin, V. A. (ed.) (2007) *History of Tuva*, in 3 vols. Novosibirsk, Nauka. Vol. II. 430 p. (In Russ.)
- Krasnobaeva, L. N. (2004) Dynamics of population size and ethnic composition of the population of Kazakhstan according to the 1st All-Union census of 1926. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, no. 4, pp. 7–22. (In Russ.)
- Kunantaeva, K. K. (1978) *To the heights of knowledge (The development of women's education in Kazakhstan, 1920–1977)*. Alma-Ata, Kazakhstan. 136 p. (In Russ.)
- Kundakbaeva, Zh. B. (2017) *Modernization of the early Soviet era in the destinies of women of Kazakhstan, 1920–1930s*. Almaty, Qazaq universiteti. 350 p. (In Russ.)
- Mailybaeva, G. A. (1975) *Woman and public production (based on materials from Kazakhstan)*. Alma-Ata, Kazakhstan. 86 p. (In Russ.)
- Merzlyakova, G. V. (1993) New approaches to the study of the woman question. In: *Historical cognition: traditions and innovations*, comp. and ed. V. Puzanov. Izhevsk, Izdatelstvo Udmurtskogo universiteta. 232 p. Pp. 18–25. (In Russ.)
- Natsak, O. D. (2021) The legal status of Tuvan women through the prism of the laws of the Tuvan People's Republic. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 148–173. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.8>
- Natsak, O. D. (2022) The woman question in Tuva and Mongolia in the 1920s–1930s. *Aziatskie issledovaniya: istoriya i sovremennost*, no. 4 (4), pp. 31–56. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2782-6139-2023-4-31-56>
- Natsak, O. D. (2023) Women in public discourse during the Tuvan People's Republic (a historical-sociological analysis based on periodical press materials). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 208–227. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.12>
- Natsak, O. D. (2024) Specific features of the demographic, socio-professional and socio-class structure of Tuvan society (based on the 1931 agricultural and demographic census). *Aziatskie issledovaniya: istoriya i sovremennost*, no. 3 (11), pp. 99–134. (In Russ.)
- Northrop, D. (2011) Nationalizing backwardness: gender, empire, and Uzbek identity. In: *The state of nations: empire and nation-building in the age of Lenin and Stalin*, eds. R. G. Suny, T. Martin, transl. from English by V. I. Matuzova. Moscow, ROSSPEN. 376 p. Pp. 235–272. (In Russ.)
- Nurbekova, G. (1968) *Women of Kazakhstan for the front*. Alma-Ata, Kazakhstan. 156 p. (In Russ.)
- Palvanova, B. (1961) *Daughters of the Soviet East*. Moscow, Gospolitizdat. 174 p. (In Russ.)
- Pushkareva, N. L. (2012) The gender system in 20th-century Russia and the destinies of Russian women. *Novoe literaturnoe obozrenie*, issue 117, no. 5, pp. 8–24. (In Russ.)
- Sadvokasova, K. (1969) *The development of women's education in Kazakhstan*. Alma-Ata, Kazakhstan. 136 p. (In Russ.)
- Serdobov, N. A. (1953) *Public education in Tuva*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 136 p. (In Russ.)
- Serdobov, N. A. (1985) *The Comintern and revolutionary Tuva (1921–1944)*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 240 p. (In Russ.)
- Stasevich, I. V. (2011) *The social status of women among the Kazakhs: traditions and modernity*. St Petersburg, Nauka. 202 p. (In Russ.)
- Tatybekova, Zh. S. (1963) *The emancipation of women of Kyrgyzstan by the Great October Socialist Revolution (1917–1936)*. Frunze, AN Kirgizskoi SSR Publ. 146 p. (In Russ.)
- Chirkov, P. M. (1978) *The solution of the woman question in the USSR (1917–1937)*. Moscow, Mysl. 256 p. (In Russ.)
- Sherstyukov, S. A. (2020) The “emancipation” of Muslim women in Central Asia: strategies of resistance and modes of adaptation (1920–1930s). *Narody i religii Evrazii*, no. 4(25), pp. 148–160. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2020\)4-10](https://doi.org/10.14258/nreur(2020)4-10)
- Shukurova, Kh. S. (1970) *Socialism and the woman of Uzbekistan (The historical experience of the CPSU in the emancipation of women of the Soviet East on the example of Uzbekistan, 1917–1937)*, ed. K. E. Zhitov. Tashkent, Uzbekistan. 364 p. (In Russ.)
- Ashwin, S. (2000) *Gender, State, and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London, Routledge. 186 p.

Kamp, M. (2006) *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. Seattle, University of Washington Press. 320 p.

Massell, G. (1974) *The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919-1929*. Princeton, Princeton University Press. XXXVI, 448 p.

Northrop, D. (2004) *Veiled Empire Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca; Londres, Cornell University Press. 392 p.

Suny, R. G. (1998) *The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States*. Oxford, Oxford University Press. 588 p.

Submission date: 20.07.2025.

Acceptance date: 13.10.2025.